

DOI 10.31250/2618-8619-2021-1(11)-147-155

УДК 008:94(470.23-25)

Дмитрий Константинович Равинский

Российская национальная библиотека
Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: dravinskij@mail.ru

Петербургская прогулка как культурный феномен

АННОТАЦИЯ. Центр Петербурга XIX — начала XX в. вызывал у приезжих смешанные чувства восхищения, смятения и страха из-за обилия торопливо идущих прохожих. Стремление противостоять психологическому давлению «враждебной толпы» естественным образом породило особые стратегии прогулок. Одна из этих стратегий — фланирование, регламентированное, семиотически насыщенное гуляние по Невскому проспекту. Другая стратегия, противостоящая как обыденному торопливому передвижению, так и фланированию, — это медитативная прогулка, насыщенная творческой энергией. Можно выделить сложившиеся жанры подобных прогулок, обозначив их именами Блока, Достоевского, А. Кушнера и др.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Петербург, петербургская прогулка, фланирование, А. А. Блок, Ф. М. Достоевский, А. С. Кушнер, В. В. Княжнин

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Равинский Д. К. Петербургская прогулка как культурный феномен. *Кунсткамера*. 2021. 1(11): 147–155. doi 10.31250/2618-8619-2021-1(11)-147–155

Dmitry Ravinskij

Russian National Library
Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: dravinskij@mail.ru

Walking in Saint Petersburg as a Cultural Phenomenon

ABSTRACT. The central streets of the nineteenth and early twentieth-century Saint Petersburg inspire mixed feelings of admiration, disturbance and awe in the newcomers. Abundance of hastily moving pedestrians and vehicles was a special feature of Russia's most splendid city. In pursuit to defend themselves from the psychological pressure of the "hostile crowd", the citizens eventually developed particular strategies of urban behavior. One of them was flânerie, i.e. regulated and semiotically thick strolling up and down the fashionable streets of the city. Another strategy, developed in contrast to both the hasty movement of everyday life and the snobbish flânerie, was meditative walking, which was a kind of a creative action. In the article, the author defines different "genres" of such walks, naming them after A. Blok, F. Dostoevsky and A. Kushner.

KEY WORDS: Saint Petersburg, city walking, flânerie, Blok, Dostoevsky, A. Kushner

FOR CITATION: Ravinskij D. Walking in Saint Petersburg as a Cultural Phenomenon. *Kunstkamera*. 2021. 1(11): 147–155. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2021-1(11)-147–155

Тема, заявленная в названии статьи, отнюдь не является «целинной», феномен петербургской прогулки неоднократно привлекал внимание исследователей. Существуют книги А. М. Конечного и Е. И. Жерихиной, ряд статей. О городских прогулках писали такие видные зарубежные ученые, как В. Беньямин (2015) и Р. Сеннет (2002). Тем не менее тема эта столь многоаспектна, что автор решается предложить свое видение проблемы и расширить круг источников.

Научные интересы автора можно обозначить как «эмоциональная история Петербурга — Ленинграда». Как воспринимались различные районы города? Существовали ли особые локальные типы петербуржцев? Как менялся акустический ландшафт Петербурга и в каких районах была «особая тишина»? И т.д. Изучение феномена петербургской прогулки дает возможность привлечь внимание к некоторым сторонам эмоциональной истории города. Понятно, что подобного рода информация отсутствует как в официальных документах, так и (за редкими исключениями) в мемуарах. Основной источник здесь — художественная и очерковая литература, одной из задач которой как раз и является фиксирование эмоционального опыта.

Петербург XIX столетия отличался от всех других городов Российской империи тем, что в нем существовала гуляющая толпа. Правда, А. де Кюстин утверждал, что в Петербурге, да и вообще в России, толпы нет и быть не может: «Выйдя из дворца, я без труда отыскал свою коляску; повторяю вам, в России нигде не встретишь большого скопления народа. Она так огромна, что здесь повсюду просторно. <...> Первая же давка, которая возникнет в Петербурге, окончится плачевно; в обществе, устроенном так, как это, толпа породит революцию» (Кюстин 2000: 213). Отдавая должное проницательности маркиза, с ним трудно согласиться, ведь уже ко времени его посещения России яркие описания толпы на Невском проспекте оставили Н. В. Гоголь, Е. П. Гребенка, Е. Расторгуев и др. Из менее известных приведу впечатления провинциального юноши, впервые попавшего на Невский: «Ах, какой это вид, какая это улица, я не могу описать своих чувств... я все стоял и смотрел, меня толкали, но я не двигался. Мне казалось, что это гигантская река. Люди, лошади, экипажи, уносились быстро, как щепки. Раз попав в это течение, уже не выплыть, — затрут, унесут. Я попятился назад, кто-то выругался, отбросил меня» (Райский 1890: 11). Это сочетание удивления, восхищения, смятения и страха характерны для впечатлений едва ли не каждого новичка, оказавшегося в центре петербургской толпы. Добавим, что смятение в значительной степени вызвано было торопливой походкой жителей Петербурга. Василий Слепцов записывает в дневнике 1863 г.: «Ходил по улицам. Куда они бегут, торопятся? Что за поспешность такая? Куда они бегут? И ведь все вздор. Смотрят друг на друга и думают: ишь ты, как я закатываю!» (Петербург в русском очерке 1984: 219).

Представление о быстрой походке обитателей Петербурга, отличающей их как от неспешных провинциалов, так и от москвичей, сложилось достаточно рано. В 1830-е годы И. И. Панаев писал: «В Москве <...> столько же толстых франтов, сколько в Петербурге тоненьких. Московские толстые франты с неизмеримо дикими прическами, медленно, важно, с одышкой прохаживаются по Тверскому бульвару, а петербургские, ты знаешь, стригут волосы гораздо короче, ходят по Невскому довольно скоро, а иные, уж очень тоненькие, просто бегают» (Панаев 1888: 337). С течением времени ощущение толпы как потока или даже бесконечного моря только нарастало. Характерно описание Петрограда в годы Первой мировой войны.

Из улицы в улицу, по площадям и переулкам — везде столько народу, столько разбросано лиц перед глазами, столько в глаза устремлено чужих и по чужому уставленным глаз, то ненавидящих без всякой причины, то испытующих: кто ты такой? — оставляющих след за собой, который висит, как паутина, то заранее любящих, только таких из тысячи встретишь разве одни. Глаза утопают в этом роскошестве глаз. От множества глаз в глазах у тебя поплывут золотые круги, в голове зашумит и затуманит, как будто поплывут глаза по бесконечному морю глазной синевы, сероты с янтарным отливом, вороненой стали зрачков, — жгучей и вместе холодной, как раскрытая бездна, — черных мужских ненавидящих, женских к себе в глубину узывающих глаз (Клычков 1929: 280).

Ощущение неуправляемой толпы, уничтожающей личность, давящей не только физически, но прежде всего психологически, множеством «чужих и по чужому уставленных глаз» — неотъемлемая черта большого капиталистического города, каковым Петербург становился прежде других городов России.

Естественным образом вырабатывались стратегии противостояния, позволявшие избежать этого давления толпы. В Петербурге, как и в других крупных европейских городах, сформировался тип фланера, своего рода профессионального участника прогулок, усвоившего тонкости «речного течения» и умело ими пользующегося. В первой половине XIX столетия этот тип воспринимался как экзотический:

В других больших городах есть немало жителей, не имеющих иной цели и занятия, как только прожить свои скромные доходы, наслаждаясь беззаботною уличною жизнью. Этих фланеров, особенно в Париже, так много, что они составляют необходимую принадлежность города и не обращают на себя внимания. Но Петербург — город по преимуществу деловой; на улицах вы видите, как все торопится, как и пешком, и в экипажах спешат: кто по делу, кто в должность, на службу. Чистокровных фланеров так немного, что те, которые появляются, привлекают к себе общее внимание и прозываются оригиналами, наравне с другими чудаками, отличающимися какой-нибудь эксцентричностью (Пржецлавский 1883: 38).

Но уже вскоре подобный тип воспринимался как привычный и даже характерный для Петербурга. Тип фланера неоднократно привлекал внимание литераторов (В. Г. Авсеенко, И. И. Панаев, А. В. Дружинин и др.).

Для фланера, умеющего «читать толпу», не существовало «бесконечного моря» чужих глаз, обычные прохожие для него просто не существовали (разве что как зрители). Существовал только «фэшн», узкий круг лиц, более или менее знакомых между собой. Важным было для этого выбрать место и время появления в местах прогулок. Обычно фланеры появлялись на Невском после двух часов дня, «стоит только выйти на Невский проспект около двух или трех часов пополудни, когда он делается, в некотором роде, ареной для моциона и тщеславия всего истинного и сомнительного фешена нашего хорошего, но подчас отвратительного города» (Крестовский 1865: 3). Прогуливались по Невскому, Большой Морской, а также по набережным Невы. При этом большое значение имело различие между «солнечной» и «теневогой» сторонами Невского проспекта. В романе А. И. Пальма «Петербургская саранча» это различие приобретает едва ли не символический характер. Если в начале романа герой, полный сил и амбиций, бодро прогуливается «в четыре часа по солнечной стороне Невского проспекта», то в эпилоге, потерпев крушение надежд, он изменил и место прогулок, и походку: «Теперь по теневой плебейской стороне Невской перспективы тихо и как бы крадучись плелся согнутый бледный старичок, в безобразном с чужого плеча пальмерстоне и порыжелом котелке. Опираясь на тяжелый дождевой зонтик, шел он медлительно и осторожно, боясь толкнуть прохожих и словно извиняясь в том, что вот-де и я позволил себе выползти из моей норы и появиться там, где ходят люди» (Пальм 1884: 372–373).

Стратегия успешного фланирования предполагала использование своего рода «кодов», позволявших обозначить статус. Прежде всего, имела значение походка:

Походка составляет такой важный предмет в общественной жизни, что требует глубокого изучения. Выражение походки давным-давно определено на Невском, где наблюдательность развита больше, чем думают; так, например, если вы шагаете так же быстро, как Свистулькин, но вместо того, чтобы оборачиваться назад, бросаете рассеянные взгляды направо и налево, скажут, что вы ни о чем не думаете; вы можете, впрочем, прослыть тогда за очень милого молодого человека; вы размышляете о настоящем вашем положении, когда устремляете взор вперед; о прошедшем — когда смотрите вниз, о будущем — когда смотрите вверх; медленные, ровные и как бы вымеренные шаги обозначают солидность и некоторую независимость состояния; перекачиванье с ноги на ногу — нерешительность и запутанные обстоятельства; походка с припрыжкой выражает глупое самодовольство и ветренность и т.д. Но боже упаси, если вы,

подобно Свистулькину, будете оглядываться поминутно назад: всякий тотчас же заключит, что вас преследует кредитор (Григорович 1952:198–199).

Даже традиционное внимание к одежде и манере одеваться получает дополнительное значение:

Трогательно было видеть, как обходился он со своей шляпой: он никогда не прикасался пальцами к передней части борта, но всегда приподымал ее, взявшись за боковые края; публичные увеселения, как то выставки и концерты, где при входе снимают шляпы, которые при выходе оказываются превращенными в блин, редко посещались молодым человеком. Шляпные эти эпизоды более важны, чем думают; все части туалета, начиная с сапог, жилетов, галстуков и кончая завивкой, часто обманывают нас касательно финансового состояния их владельца: шляпа, заметьте, никогда не обманет; шляпа единственный предмет мужского туалета, который нельзя взять в долг; он покупается не иначе, как на чистые деньги. Внимательность к шляпе естественным образом привела меня к мысли, что молодой человек далеко не в блестящем положении; вскоре явились еще и другие подтверждения такой мысли (Григорович 1952: 184).

В то же время прогулка фланера — это постоянное использование невербальной семиотики, постоянный безмолвный диалог с окружающими. Важен, например, такой ключевой момент, как встреча со знакомыми. Панаев описал подлинного виртуоза приветствий:

Он кланяется с удивительным разнообразием, смотря по степени важности и значения человека в свете. В Китае он был бы великим человеком. Ему бы надо родиться в Пекине, а не в Петербурге. Самым значительным кланяется он, наклоняя голову в пояс и потом медленно приподнимая ее и смотря им прямо в глаза с выражением в зрачке умиления, смешанного с безграничную преданностью; перед менее значительными он наклоняет голову до ложечки, а на лице у него в это время изображается улыбка, выражающая глубочайшее почтение; равным себе он только трясет головою, приятно улыбается и в то же время прикладывает руку к губам; для низших и малозначительных у него тысячи оттенков в поклоне: иным он кланяется, прикасаясь рукою к полям шляпы и сохраняя строгую важность физиономии; другим — только до половины приподнимая руку; а при встрече с самыми последними, с самыми маленькими, по его мнению, он только делает вид, что желает пошевеливать руку для поднесения ее к шляпе. У него, впрочем, еще больше этих подразделений; я вам говорю только о самых характеристических: мне он поклонился как человеку, которого он знает с детства, с которым встречается в свете — это выражается у него болтанием руки на воздухе и легкою улыбкой. Хитрый ведь господин!.. Не правда ли? (Панаев 1912: 46–47).

Но приветствия — лишь один аспект языка петербургской прогулки. Другой не менее важный — контекст, т. е. то, с кем вы прогуливаетесь:

Я был счастлив, когда гулял по Невскому рука в руку с каким-нибудь блестящим господином. Несколько раз, прогуливаясь с одним из таких и встретив вас, я был внутренне в восхищении, что вы встретили меня именно с ним... Если мне попадались где-нибудь на гулянии ваши Мины Александровны, Луизы, Берты и прочие, когда я шел с человеком неизвестным и плохо одетым, мне становилось неловко и досадно, хотя они меня почти не знали и я не имел на них никаких видов (Панаев 1912: 208).

Интересна в этом плане история наказания спесивого фланера, придуманная англоманом и фланером А. В. Дружининым. Персонаж чересчур откровенно проявил неуважение к скромному знакомому, что считалось нарушением неписаного этического кодекса профессиональных фланеров.

Любопытно было проследить за тем, как вся его фигура изменялась с каждым шагом, отделявшим от меня нашего денди. Меня он боится, и при мне старается вести себя скромнее; но тем заметнее бывает изменение, о котором я говорю. С первым шагом от меня мой Александр Иванович стал другим Александром Ивановичем. Шляпа его как-то дивно склонилась к правому виску, стеклышко, доколе скрываемое за лацканом пальто, заболталось на самой груди, левый рукав

пальто будто сам собою небрежно отогнулся, обнаружив таким образом маленькую руку и на руке отлично пригнанную перчатку. Какой-то юноша скромного свойства вежливо поклонился Александру Иванычу; в ответ на поклон, наш фат оглядел юношу с носка сапогов до шляпы и не поклонился, а выразил на лице какую-то насмешливую полуулыбку. Зато, когда богач Антон Борисыч небрежно кивнул головой нашему денди, Александр Иваныч весь зашевелился, но сдержал свои порывы и послал рукою воздушный поцелуй Антону Борисычу (Дружинин 1867: 254–256).

За такое неприличное, вульгарное поведение придумана была месть вполне в духе фланеров¹. Сговорившись, «друзья» гордеца оделись самым неподобающим образом и, радостно приветствуя его на Невском, сопровождали во время прогулки.

Надо сказать публике, что по странной игре судьбы компания друзей Александра Иваныча обладает целой коллекцией отвратительнейших шинелей и шуб, потертых, крашенных, облезших. Шуба Халдеева считается первою по безобразию, и он ее не только надел на это раз, но еще подпоясал красным фуляром. Пайнов был в гороховой дедовской шинели, на которой, уподобляясь грибам на пне, нарастали крошечные воротники один над другим; всех же воротников имелось шестнадцать <...> Так держали мы Александра Иваныча от трех до пяти часов, сдавая его с рук на руки и увеселяясь его страданием. Дамы, встречаясь с нами, глядели на нас и прищуривались; кавалеры отстранялись от нас не без ужаса; из многочисленных знакомцев Александра Иваныча поклонился ему только один — тот самый юноша, которого он еще вчера огоршил своим невежливым взглядом! (Дружинин 1867: 254–256).

Фланирование долгое время было неотъемлемым атрибутом центра Петербурга. Характерно, что одним из признаков «советизации» города стало изменение походки его обитателей: «...до войны много было на Невском гуляющих, фланирующих — по-старинному говоря. Даже походка у людей теперь другая, более торопливая, деловая, целеустремленная. В особенности у женщин» (Шефнер 2007: 310). Собственно, именно «нецелеустремленность» фланирующей прогулки и вызывала подозрения властей: а почему они никуда не спешат? Бездельничают? Показательно, что одним из признаков перемен в 1950-е годы стало возобновление «прогулки по Невскому» как особого типа культурного поведения — появление «Брода», части проспекта, где прогуливались «стиляги». Важно отметить, что и походка сразу изменилась: по «Броду» не ходили и не гуляли, а «хияляли небрежно и вихляво» (Слепакова 1999: 352).

Однако хотелось бы привлечь внимание и к другому виду петербургских прогулок, противостоявшему как суетливой торопливости обыденной городской толпы, так и регламентированной упорядоченности фланирования или променада. Речь идет о медитативной прогулке «вдали от толпы», о сосредоточенной, как правило, одинокой, прогулке, насыщенной творческой энергией.

Если фланирование в его классическом виде основывалось на умении чувствовать социальные ритмы города и использовать их для подтверждения собственного статуса, то «одинокие прогулки» тонко чувствующих горожан основывались на умении чувствовать культурный год Петербурга, скрытую в нем «музыку». Вот пассаж из повести современного автора:

Были в городе места, имелись неведомые тропочки, настраивавшие его на светлый лад: он любил лицо льва на вечно закрытых воротах бело-зеленого особняка на берегу Мойки; кремевые стены двух домов на Халтурина; набережные, магазины старой школы, маленькие магазинчики и забегаловки Петроградской; любил оказываться в незнакомых переулках, обнаружив даже два Свечных в разных концах города.

Правда, существовали маршруты ему крайне неприятные, он передвигался по ним медленно, ботинки наливались свинцом, сердце колотилось и безо всяких причин ничего не происходило с ним никогда в местах сих; тревогой наполняли его улицы Белинского и Некрасова и дальняя часть Марата; одиночество улетающего на Марс инженера прихватывало его за загривок на Обводном; старался он не бывать в районе Голодая (Галкина 1996: 100).

¹ Более подробно о фланерах XIX в. см.: (Равинский 2006).

Прогулка как особый род медитации — важная часть петербургской культуры. Можно утверждать, что в ней выработались самостоятельные жанры таких прогулок, которые можно обозначить именами литераторов, поскольку литературные (и шире — культурные) ассоциации сознательно или подсознательно участвовали в медитативной работе, сопровождавшей подобные прогулки.

Первый жанр обозначим именем Блока. Как известно, А. А. Блок любил длительные пешие прогулки, доходил, например, до Нарвских ворот, пешком добирался из Офицерской улицы до издательства на Литейном, но с гимназических лет он полюбил прогулки по северо-западным окраинам Петербурга. Эта любовь сохранилась надолго. Как вспоминал Владимир Пяст, частый спутник Блока в таких прогулках, «гулял он обыкновенно за городом, уходя туда пешком сначала по Невке, а потом по Черной речке на Ланское шоссе и либо в Удельный парк, либо же в Лесной, чаще в Удельный» (цит. по: Александров 1987: 125–126). А. А. Александров называет и другие «любимейшие» места Блока: Шувалово, Озерки, Лахта, Ольгино, Сестрорецк, — и делает важное замечание: «Во время загородного путешествия воображение поэта работало интенсивно. Странствия были творческими, иначе поэт так бы не любил их. А творчеству нужны даль, воля, чистые краски неба и зелени» (Александров 1987: 126). Как видим, типичные маршруты прогулок Блока — с Петроградской стороны, переживавшей строительный бум развивающегося капитализма, на север, на окраины, в полусельскую местность. Здесь важен мотив выхода из города (Блок, как известно, город не любил) в другую реальность. Этот мотив четко обрисован в «Ночной фиалке», написанной, по утверждениям литературоведов, под впечатлением одного из снов поэта.

Город вечерний остался за мною,
 Дождь начинал моросить.
 Город покинув,
 Я медленно шел по уклону
 Малозастроенной улицы,
 И, кажется, друг мой со мной.
 Прохожих стало все меньше.
 Только тощие псы попадались навстречу,
 Только пьяные бабы ругались вдали.
 Над равниною мокрой торчали
 Кочерыжки капусты, березки и вербы,
 И пахло болотом.

Унылый пейзаж оказывается преддверием таинственного мира:

Слышу, слышу сквозь сон
 За стенами раскаты,
 Отдаленные всплески,
 Будто дальний прибой,
 Будто голос из родины новой,
 Будто чайки кричат,
 Или стонут глухие сирены,
 Или гонит играющий ветер
 Корабли из веселой страны.

Мотив «покидания душного города ради радостей природы» был очень распространен на рубеже столетий, но у Блока он приобретает особое, петербургское, звучание. Путешествие с Петроградской стороны на север сопровождалось специфическими культурными ассоциациями.

Уходящий вдаль Каменноостровский проспект казался дорогой к другой реальности: «...далеко уводит человека этот “каменноостровский” локус — к самой смерти, но и к бессмертным стихам, смерть преодолевающим» (Топоров 2009: 568). Живший на Петроградской (Ружейная площадь, 4а) Леонид Андреев, по словам Блока, «всегда обращен лицом в провал черного окна, которое выходит в сторону островов и Финляндии, в сырую ночь, в осенний ливень, который мы с ним любили одной любовью» (цит. по: Топоров 2009: 565). Северные окрестности Петербурга для Блока не только леса и болота, но и преддверие Скандинавии с ее Ибсеном, Стриндбергом, морями и скалами. Можно определить символический смысл «блоковских» прогулок как длительное, затрачивающее физические силы пешеходное путешествие, приводящее в итоге к «иной реальности», скрытой за обыденным грустным пейзажем.

Другой жанр петербургской прогулки можно обозначить именем Достоевского. Мечтатель, герой «Белых ночей» бродит «как тень, без нужды и без цели, уныло и грустно по петербургским закоулкам и улицам». Его внутренняя жизнь, его воспоминания заменяют Мечтателю «нужду и цель». «Припоминается, например, что вот здесь ровно год тому назад, ровно в это же время, в этот же час, по этому же тротуару бродил так же одиноко, так же уныло, как и теперь!» (Достоевский 1956: 25). Если прогулка Блока — это движение вдаль, к неопределенной, но манящей цели, то для персонажей Достоевского прогулка — «внутреннее путешествие», прогулка по собственным воспоминаниям. Мечтатель вовсе не одинок в этом смысле. «Я почти свел дружбу с одним старичком, которого встречаю каждый божий день, в известный час, на Фонтанке. Физиономия такая важная, задумчивая; все шепчет под нос и махает левой рукой, а в правой у него длинная сучковатая трость с золотым набалдашником» (Достоевский 1956: 6). Интересно, как Достоевский обозначает две манифестации психологического автоматизма: прогулки по одному и тому же маршруту в одно и то же время и неконтролируемое поведение («все шепчет под нос и махает левой рукой»). Недаром Достоевский позднее напишет: «Я убежден, что в Петербурге много народу, ходя, говорят сами с собой. Это город полусумасшедших» (Достоевский 1957: 487).

Примечательно и то, что большинство персонажей Достоевского живут в Коломне, в той части города, которая обычно называется «Петербургом Достоевского». Согласно гоголевской формуле, здесь «все тишина и отставка», т. е. отсутствуют внешние стимулы торопливости. Добавим, что Коломна — это низменный район, место, куда стекаются, заканчивая свой путь, Фонтанка, Мойка и Екатерининский канал. При этом канал делает изгиб, меняя направление, так что случайно забредший в этот район человек почти наверняка заплутает. В. Шкловский обратил внимание на то, что персонажи Достоевского всегда передвигаются вдоль берегов Екатерининского канала, даже если есть и более короткий путь. Целеустремленность здесь отсутствует.

Третий культурный жанр петербургской прогулки, о котором хотелось бы сказать, — прогулки вдоль набережных рек. В литературе этот вид прогулки запечатлен в известных стихотворениях В. Княжнина (Ивойлова) «Фонтанка» и А. С. Кушнера «Пойдем же вдоль Мойки, вдоль Мойки...». В обоих стихотворениях речь идет о прогулке вдоль реки, сопровождаемой воспоминаниями. Нетрудно понять, что река здесь — олицетворение реки времени, ассоциация с Летой (или, как в другом стихотворении Кушнера, петербургскими реками оказываются Стикс, Коцит и Ахерон). При этом всякий, кто совершал длинные прогулки вдоль небурных петербургских рек, знает эти ощущения: медленная река, плавный наклон местности, ритм домов, вытянувшихся вдоль набережной, — все это склоняет к медитации, успокаивает. Добавим, что время от времени приходится и переходить мосты, что особым образом влияет на настроение путника. Как правило, прогулка совершается по течению реки, у Княжнина, правда, направление иное — от Калинкина моста к Летнему саду, но в обычной жизни чаще всего идут по естественному наклону местности. И, как уже говорилось, прогулка вдоль реки заканчивается в «тишине и отставке» Коломны, подводя таким образом итог воспоминаниям.

Подчеркнем, сказанное выше относится к прогулкам вдоль Фонтанки и Мойки, но не к прогулкам по набережным Невы. Здесь включается совсем другой культурный код. Дело не только в том, что Нева после Литейного моста протекает в парадной части города (и является важным элементом этой парадности) и набережные Невы — традиционное место парадных, «фешенебельных» прогулок. Волны и ветер — вот что создает настроение, а ветер почти всегда дует с запада, со стороны моря, со стороны Атлантики. Г. П. Федотов вывел целую историософскую концепцию из этого географического обстоятельства:

Но выйдем из стен Академии на набережную. С Невы тянет влажный морской ветер — почти всегда западный ветер. Не одни наводнения несет он петровской столице, но и дух дальних странствий. <...> Тоска целых материков — Евразии — по Океану скопилась здесь, истекая узким каналом Невы в туманный, фантастический Балт. Оттого навстречу западным ветрам с моря дует вечный «западнический» ветер с суши. Петербург остается одним из легких великой страны, открытым западному ветру (Федотов 2010: 40–41).

Действительно, ощущение «ветра с Атлантики» играло важную роль в мироощущении петербуржцев. Поездки на острова, столь значимые для жителей столицы, связаны с этим ощущением морского воздуха. Наконец, поездки на стрелку Елагина острова в летние белые ночи, когда небо и вода сливаются в одно целое, при всей модной ритуальности поездок «на стрелку», связывались, по крайней мере на подсознательном уровне, с ощущением Балтики и далее Атлантики, Счастливых островов.

Таковы несколько сложившихся жанров «петербургских прогулок». Разумеется, этот перечень далеко не полон. Важно то, что фигура задумчивого прохожего уже много поколений эмблематична для нашей городской культуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Александров А. А.* Блок в Петербурге — Петрограде. Л.: Лениздат, 1987.
- Беньямин В.* Бодлер. М.: Ад Маргинем, 2015.
- Галкина Н.* Сказки для сумасшедших // Нева. 1996. № 3. С. 25–133.
- Григоревич Д. В.* Свистулькин // Русские повести XIX века 40–50-х гг. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1952. С. 181–266.
- Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений в десяти томах. М.: ГИХЛ, 1956. Т. 2.
- Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений в десяти томах. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 5.
- Дружинин А. В.* Сочинения. СПб., 1867. Т. 8.
- Жерихина Е. И.* Этикет петербургской прогулки. СПб.: Аврора, 2019.
- Клычков С.* Сахарный немец. М.: Федерация, 1929.
- Крестовский Вс.* Петербургские типы. СПб.: В. Е. Генкель, 1865.
- Кюстин А. де.* Россия в 1839 году. М.: ТЕРРА, 2000. Т. 1.
- Пальм А. И.* Петербургская саранча. СПб.: А. С. Суворин, 1884.
- Панаев И. И.* Белая горячка // Собрание сочинений Ивана Ивановича Панаева: в 8 т. СПб.: Н. Г. Мартынов, 1888. Т. 1. С. 322–433.
- Панаев И. И.* Хлыщи // Собрание сочинений Ивана Ивановича Панаева: в 8 т. М.: тип. В. М. Саблина, 1912. Т. 4. С. 1–238.
- Петербург в русском очерке XIX века. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984.
- Пржецлавский А. О.* Воспоминания. Беглые очерки // Русская старина. 1883. Т. 39. № 8. С. 377–406.
- Равинский Д. К.* «Петербургский хлыщ» как модель мужского поведения // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 8–13.
- Райский П.* [И. И. Кольшко]. Записки юнкера. СПб.: тип. Князя В. П. Мещерского, 1890.
- Сеннет Р.* Падение публичного человека. М.: Логос, 2002.
- Слепакова Н. М.* Лиловые люпины, или Дым без огня. М.: ТЕРРА, 1999.
- Топоров В. Н.* Петербургский текст русской литературы. СПб.: Искусство-СПб., 2009.
- Федотов Г. П.* Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010.
- Шефнер В. С.* Листопад воспоминаний. СПб.: Logos, 2007.

REFERENCES

- Alexandrov A. A. *Blok v Peterburge — Petrograde* [Blok in Saint Petersburg / Petrograd]. Leningrad: Lenizdat, 1987. (In Russian)
- Benjamin W. *Bodler* [Baudelaire]. Moscow: Ad Marginem Press, 2015. (In Russian)
- Zerihina E. I. *Etiket peterburgskoi progulki* [The Etiquette of Saint Petersburg Walking]. St. Petersburg: Avrora, 2009. (In Russian)
- Ravinskij D. K. “Peterburgsky hlyshch” kak model muzhskogo povedeniia [“Saint Petersburg Fop” as a Mode of Masculine Behavior]. *Etnograficheskoe Obozrenie*, 2006, no. 4, pp. 8–13. (In Russian)
- Senett R. *Padenie publichnogo cheloveka* [The Fall of the Public Man]. Moscow: Logos, 2002. (In Russian)
- Toporov V. N. *Peterburgskii text russkoi literatury* [Saint Petersburg Text of the Russian Literature]. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPb, 2009. (In Russian)
- Fedotov G. P. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN, 2010. (In Russian)

Submitted: 10.01.2020

Accepted: 30.01.2021

Published: 01.04.2021